

О. С. Иссерс
Омск, Россия

ОТ СЕРЬЕЗНОГО — ДО СМЕШНОГО: ИГРОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО СЛОВА ГОДА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу социально-лингвистических российских проектов 2014 года: «Слово года», «Словарь года», «Пресс-слово года» и др. Возрастающий интерес общества к подобным проектам связан с желанием понять не только явные, но и скрытые социальные изменения через язык. «Ключевые слова текущего момента» рассматриваются в аспекте их игрового потенциала. Гипотеза заключается в том, что эти слова, фиксирующие исторически значимые события современности, нередко трагические, в российском дискурсивном пространстве с течением времени неминуемо попадают в поле игровой интерпретации и обретают иронический либо саркастический потенциал. Определены наиболее типичные семантические трансформации неологизмов в современных дискурсивных практиках. В результате переосмысления неологизмов года можно наблюдать следующие дискурсивные тенденции: 1) обозначение модели ситуации в виде хеш-тега (крайний случай — превращение в «федеральный мем»); 2) трансформацию значения единиц целого словообразовательного гнезда; 3) нейтрализацию пейоративов путем самообозначения; 4) разрушение навязанных идеологем; 5) высмеивание журналистских штампов и фейковых технологий. Автор приходит к выводу, что «слова года» отражают не только специфику общественного диалога в России, но и креативный потенциал его субъектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слово года; неологизм; политический дискурс; языковая игра.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; адрес: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221; e-mail: isserso@mail.ru.

На протяжении последних лет все большее общественное внимание как за рубежом, так и в России привлекают проекты «Слово года» («Словарь года», «Словарь перемен», «Пресс-слово года» и др.), которые в равной мере можно отнести как к лингвистическим, так и к социальным — в силу привлечения значительного числа информантов и экспертов и широкого обсуждения рейтингов в прессе и социальных сетях (см. список источников). «Горячий» языковой материал оперативно подвергается научному анализу [Баранов 2015; Вепрева 2015; Газинская 2014; Иванова 2014 и др.]. По мнению исследователей, возрастающий интерес общества к языковым новациям связан с желанием понять не только явные, но и скрытые социальные изменения через язык, объяснить происходящее посредством метаязыковой рефлексии [Эпштейн 2014].

Ушедший 2014 год был отмечен значительными изменениями как в сфере внешней, так и в сфере внутренней политики: воссоединение Крыма с Россией, война на Украине, санкции и антисанкции, экономический кризис, ИГИЛ... Даже Олимпиада в Сочи отошла на второй план на фоне всех геополитических событий. Столь значительные социальные импульсы не могли не найти отражение в дискурсивных практиках указанного периода, которые являются одним из действенных способов осмысления социальной жизни [Баранов 2001, 2004; Иссерс 2012; Чудинов 2001 и др.].

Материалы проектов «Слово года» представляются лингвистически ценными по нескольким причинам. Во-первых, они информативны с точки зрения лексикографии, поскольку дают возможность точного датирования лексических новаций и возвращения устаревшей лексики в активный словарь [Крысин 2014; Попова, Рацибурская, Гугунава 2011]. В то же время по ним можно с относительной долей вероятности реконструировать изменения языковой картины мира, происходящие в массовом сознании за прошедший год. Несмотря на разную степень мето-

дологической обоснованности подобных массовых опросов, их результаты позволяют говорить о приоритетах внимания общества в определенный период. Это взгляд на языковую жизнь социума, ограниченную четкими календарными рамками одного года: по словам-победителям можно судить о том, какова была атмосфера определенного времени. «То, как мы говорим, определяет то, как мы живем. А подобные конкурсы помогают обществу осознать, где оно находится в данный момент, откуда идет и, главное, куда», — считает главный идеолог и организатор первого российского конкурса «Слово года» филолог Михаил Эпштейн [Эпштейн 2014]. Таким образом, материалы подобных проектов актуальны для понимания дискурсивных тенденций и перспектив общественного развития в конкретной политической реальности.

В связи с этим определим **цель исследования** — рассмотреть результаты российских рейтингов 2014 г. с позиций последующего периода, осмысляющего результаты прошедшего в том числе и дискурсивно. Наша гипотеза заключается в том, что «ключевые слова текущего момента» (термин Т. В. Шмелевой), фиксирующие исторически значимые события современности, нередко кризисные, трагические, в российском дискурсивном пространстве с течением времени неминуемо попадают в поле игровой интерпретации и обретают иронический либо саркастический потенциал. Об этом писала Т. В. Шмелева, обратившая внимание на метафорические и «текстогенные» характеристики как сущностное свойство «ключевых слов» [Шмелева 1993, 2009].

Наш подход в чем-то перекликается с концепцией психолога Вашингтонского университета, одного из ведущих исследователей в области памяти Элизабет Лофтус. Она установила, что событие, воскрешаемое в памяти, как правило, восстанавливается неточно: обычно для восполнения пробелов в воспоминаниях память использует не только уже существовавшую информацию, но и новую. При этом было выявлено влия-

ние словесной формы, в которую облечены задаваемые о прошлом вопросы (большинство исследований Э. Лофтуса связаны с показаниями свидетелей) (см. об этом: [Хок 2008]). На наш взгляд, ключевые вербальные знаки «ушедшего момента», обнаруженные в контекстах последующего периода, помогают восстановить не только события и дискурсивные практики недавнего прошлого, но и метаязыковое сознание носителей языка дня сегодняшнего.

Заметим, что даже при беглом взгляде на результаты зарубежных и российских рейтингов «Слово года» обнаруживается специфика русскоязычного материала. В топ зарубежных списков попадают в основном единицы не политического словаря. Так, по версии «Оксфордского словаря», это *to vape* (курить электронную сигарету), *normcore* (тенденция в моде — стремление выглядеть максимально обычно), *contactless* (совершение платежей с помощью карт, использующих радиочастотную идентификацию) [The Oxford Dictionary Word of the Year]. «Collins English Dictionary» считает наиболее популярным *to photobomb* (случайно или намеренно влезть в кадр без ведома фотографируемого) [The-year-that-was-lucky...], «Chambers Dictionary» — *to overshare* (перегружать информацией о своей личной жизни) [‘Overshare’ is Chambers Dictionary’s word...]. И только Общество немецкого языка отдает лидерство *Lichtgrenze* (граница света, световая граница — в честь 20-летия падения Берлинской стены) [В Германии выбрали...].

По сравнению с этими зарубежными словами-победителями российские рейтинги явно «политически маркированы». По версии проекта М. Эпштейна, их возглавляют слова *Крымнаш*, *санкции*, *бандеровцы* (*бендеровцы*) и выражения года *вежливые люди*, *русский мир*, *гуманитарный конвой* [Язык высовывает язык]. Проект «Пресс-слово года» также фиксирует в тройке лидеров лексемы, репрезентирующие фреймы, привязанные к политической ситуации: *санкции*, *Олимпиада*, *ополченцы* [Новояз 2014]. Нельзя не обратить внимание, что в указанных примерах встречаются лексемы с явным полемическим потенциалом (*Крымнаш*, *вежливые люди*), в связи с чем уже априори следует ожидать их разнообразную интерпретацию в общественном диалоге. В то же время для целей нашего исследования актуально и то, что вполне нейтральные в идеологическом плане лексические единицы, попадая в поле общественного внимания, обнаруживают значительный игровой потенциал, раскрывая весь спектр оценочных смыслов — от иронии до сарказма и оскорбления.

На материале проектов «Слово года» попытаемся определить наиболее активные процессы взаимодействия социальных и лингвистических факторов, а также приемы игрового осмысления лексических новаций 2014 г.

Рассматриваемый период был отмечен **усилением воздействующей функции языка в сфере пропаганды**, что обычно для периодов политической напряженности как внутри страны, так и за ее пределами (ср.: [Баранов, Казакевич 1991; Какорина 1996]). Как показывают исследования предшественников и наши наблюдения,

ответом на идеологический прессинг, как правило, становится иронико-саркастическое переосмысление политического и околополитического словаря. «Язык отражает общество не как зеркало, а как спарринг-партнер. Отражает удары, наносит свои, передразнивает, нападает, бросает вызов...» [Эпштейн 2014].

Современная лингвистика рассматривает иронию в двух аспектах — как стилистическую фигуру и как явление, возникающее в акте коммуникации. В свете наших задач последний аспект представляет наибольший интерес. Он был обозначен в работе С. И. Походни: «В силу своей многогранности ирония сопрягает семантику языковых единиц с их естественным коммуникативным окружением» [Походня 1989: 8]. По мнению ученого, иронические смыслы указывают «на наличие сложных корреляций семантики слов со всей текстовой ситуацией в целом, <...> утверждая тем самым иронию как элемент мировоззрения, отношение индивидуума к миру» [Там же: 116].

Эту же исследовательскую линию продолжает А. А. Масленникова, отмечая, что в сфере коммуникации иронические смыслы включают проявления эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету коммуникации или адресату, начиная от отношения говорящего к смыслу собственных слов до желания или нежелания осуществлять коммуникацию [Масленникова 1999: 24].

Рассмотрим примеры и определим приемы игрового переосмысления лексических новаций 2014 г.

«Крым — наш!» или #крымнаш? Саркастический потенциал хеш-тега

По мнению Михаила Эпштейна, *Крымнаш* — слово с подковыркой, слово-жест, воспроизведение некоего клише, сложившегося в языке. «Присоединение Крыма, как бы его ни оценивали, позитивно или негативно, действительно стало самым ярким событием для России», — отмечает ученый [Эпштейн 2014]. Новая языковая единица в виде хеш-тега *#крымнаш* вошла в актуальный словарь 2014 г. и стала лидером большинства рейтингов. Она является ярким примером переосмысления серьезного слогана и на протяжении последнего года уже не раз попадала в поле зрения лингвистов [Вепрева 2015; Цонева 2015; Газинская 2015; Шилина 2015 и др.].

Об истории создания и современном бытовании лексемы в интервью корреспонденту «gazeta.ru» рассказал сотрудник Центра российских и евразийских исследований (Упсала, Швеция) Михаил Сулов: «Судя по всему, он возник как серьезный мем, как попытка описания реальности. Он появился 8—9 марта 2014 года, когда еще не было референдума, как некий план на будущее. Крым еще не был нашим, но должен был быть, — отметил он. — Однако буквально через день после референдума мем был осмыслен иронически». И сегодня, по мнению М. Сулова, **более 90 % использования этого мема ироническое**. «Ирония не обязательно разрушает его, это способ высказать точку зрения», — уверен М. Сулов. По его данным, слит-

ное написание «крымнаш» чаще используется в негативном смысле. «Когда я выяснял, поддерживает или не поддерживает присоединение Крыма человек, пишущий „крымнаш“, оказалось, что большинство употребляют этот мем негативно. И часто применительно к каким-то событиям, — считает эксперт. — Например, рубль падает, зато Крым — наш, канализация сломалась, зато Крым — наш. <...> Иронично настроенные пользователи пишут „крымнаш“, серьезные — „Крым наш“. Люди, которые за присоединение Крыма, пишут, что либералы извратили хорошее понятие, поэтому надо писать „Крым наш“ раздельно и с большой буквы», — говорит М. Суслов (цит. по: [Киселева 2014]).

Уникальность этого «лексического объекта» заключается в том, что впервые единица особой подсистемы письменного языка — хеш-тег (в данном случае принятая в целях семантической компрессии в Твиттер-коммуникации и других сервисах) — внедрилась в живую речь, в том числе и устную [Атягина, Иссерс 2014]. Это не номинативная, а когнитивная единица, которая в компрессированной форме обозначает модель ситуации и одновременно способ аргументации. Именно эта особенность обусловила, на наш взгляд, лидерство неологизма во всевозможных рейтингах. *Крымнаш* — это не просто знак изменения геополитической ситуации. В коммуникативно-прагматическом плане *Крымнаш* — реплика в полемике после мартовского референдума.

Диалогичность нового слова проявилась в том, что оно востребовано как сторонниками присоединения Крыма, так и его противниками (слитное написание в большинстве случаев есть знак негативной позиции, как справедливо заметил М. Суслов).

(1) *В прошлом году и все предыдущие годы все было по-другому, а теперь — КРЫМНАШ, так что не обессудьте!* (из блогов).

(2) *Крымнаш — это не просто мем года, это его чума* (из блогов).

Как отмечает И. Т. Вепрева, неоднозначная общественная оценка произошедших событий проявляется в языковой игре с новообразованием. Противостояние официальной точке зрения на ситуацию с Крымом, обострившую поляризацию общества, породило антонимичное образование: «Крымнаш/ненаш»? (Московский комсомолец. 18.07.2014); *Просто анекдот: уже предложена проверка для въезжающих в Прибалтику из РФ: пароль — „Крымваш?“*. Пропускают только при отзыве — „Крымненаш“ (Советская Россия. 31.07.2014) [Вепрева 2015: 34].

Как всякое «ключевое слово текущего момента», оно обнаружило высокую словообразовательную активность (от иронического *Парижнаш*, *космоснаш* — до идеологически заостренного *намкрыш*, *крымнашисты*) и обрело морфологическую парадигму субстантива: *новости крым-наша* (на ресурсе «www.uainfo.org/») и т. п. (см. об этом подробнее: [Вепрева 2015]).

История одного гнезда, или Как вежливость стала «вежливостью»

Аналогичная история «хештегизации» произошла и со словосочетанием «вежливые люди»

(#вежливыелюди). Оно впервые встретилось в «Живом журнале» (28.01.2014). Блогер Борис Рожин свидетельствует: «Лично мне просто приглянулось выражение „вежливо“ в отношении неизвестных лиц, которые захватывают стратегические объекты, формально не раскрывая своего инкогнито». Выражение «вежливые люди» быстро вошло в употребление, когда в конце февраля — начале марта 2014 г. стратегические объекты в Крыму были заняты неизвестными людьми в камуфляжной форме без опознавательных знаков и знаков различия. Они не вступали в разговоры с представителями СМИ, при этом вели себя «очень вежливо», о чем 28 февраля впервые сообщило издание «Политнавигатор» (www.politnavigator.net). Подробная история вхождения в язык данного выражения не раз комментировалась лингвистами, а также обозревателями российских и зарубежных СМИ (см. об этом: [Корягин 2014], а также: [Вежливые люди]).

В 2014 г. в номинации «Выражение года» *вежливые люди*, по версии проекта М. Эпштейна, возглавило тройку лидеров. Результатом «передрознивания» идеологически нагруженного словосочетания стало употребление деривационно связанных единиц (*вежливый*, *вежливость*, *вежливо*) в иронически маркированных контекстах. Так, запрос в поисковой системе «Google» «картинок» по слову *вежливый* дает исключительно изображения людей в военной форме.

Заголовки и лиды в СМИ также демонстрируют широкий спектр подобных примеров:

(3) **Вежливые люди в твоей квартире.** „Но все кружки могут забрать“ (Новая газета. 12.07.2014).

(4) **Вежливость в законе.** Конституционный суд заставил администрацию Интернет-форумов удалять оскорбительные комментарии (Новые известия. 10.07.2014).

(5) **Вежливое изгнание.** Правозащитники критикуют принятый Госдумой во втором чтении законопроект о нежелательных организациях (Новые известия. 18.05.2015).

Таким образом, в дискурсивных практиках 2015 г. единицы словообразовательного гнезда «вежливый» по принципу индукции обрели наведенную сему, оценочный характер которой определяется позицией говорящего. Это тот случай, когда, в соответствии с идеей Р. Блакара, выразиться нейтрально невозможно и, «выбирая единственное слово, говорящий вынужден занять позицию» [Блакар 1987: 92]. «Вежливость», осмысленная через призму 2014 г., вытеснила узальное значение слова на периферию словаря сегодняшнего дня.

Новая жизнь пейоративов

Кроме слов — лидеров годовых рейтингов, в духе военного противостояния выдержаны номинации субъектов российско-украинского конфликта, однозначно разделяющие его участников на «своих» и «чужих». Продуктивные для разжигания ненависти пейоративы активно вбрасывались как с той, так и с другой стороны: *ватники* (*вата*), *колорады*, *террористы*, *бандиты*, *боевики* vs. *укропы* (*укры*), *хунта*, *каратели* и т. п. Однако,

как часто бывает в войне дискурсов, в борьбе за номинацию срабатывает прием «джиу-джитсу»: изначально оскорбительное прозвище становится самообозначением. Так, в период митинговой активности 2011—2012 гг. брошенное В. Путиным обращение к оппозиции: «Идите ко мне, бандерлоги!» — стало лозунгом сторонников демократических перемен: «Бандерлоги всех стран, объединяйтесь!». Аналогично уничижительное обозначение сторонников идеологии киевского майдана *укропы* стало иронично переосмысляться как самоназвание. Так, украинский журналист на декабрьской пресс-конференции В. Путина в 2014 г. задавал вопрос в футболке с этой надписью.

В СМИ пейоратив также обрел вторую жизнь в новых контекстах, о чем можно судить по заголовкам публикаций.

(6) **„Укропы против редисок“.** По предварительным данным, на довыборах депутата Рады победил пропрезидентский кандидат (Новая газета. 28.07.2015).

(7) **„Укропы“ объединяются.** Петру Порошенко предстоит очередная схватка с Игорем Коломойским (Независимая газета. 25.07.2015).

(8) **День твой последний приходит, укроп!** Иностранцы, живущие в России, объявили кулинарный джихад укропу (Независимая газета. 25.07.2015).

(9) **В Раде может появиться депутатская группа „Укроп“.** Второй полноценный рабочий день Рады проходил в сложных переговорах (Новые известия. 5.12.2014).

Контроль за употреблением языка в дискурсивных практиках ушедшего года нашел проявление и в выборе вариантов номинации. В частности, принятый на Украине термин АТО («антитеррористическая операция») для обозначения зоны военных действий на территории Донецкой и Луганской областей в российских СМИ обычно используется в виде аббревиатуры — как можно предположить, чтобы не акцентировать внимание на номинации «террорист» (обычно употребляется в словосочетании *в зоне АТО*). Данная аббревиатура также попала в зону иронического осмысления мирной жизни в терминах военного времени:

(10) *Когда на огонек и стакан заглядывает кум, наступает местная АТО, где врагом выступаю уже не я, а сын хозяйки, служивший срочную в танковых войсках, но прятавшийся от мобилизации* (Комсомольская правда. 2.06.2015).

Символы западной еды как идеологемы

С украино-российским конфликтом прямо или косвенно связаны многие актуальные события жизни страны и мира в 2014 г. Они также отражены в рейтингах слов года и подверглись семантической трансформации. После присоединения Крыма в языке активизировались лексические единицы, принадлежащие терминологической сфере политики и экономики, — *санкции, анти-санкции, импортозамещение*. Массовое общественное сознание отразило сложившиеся продовольственные трудности в разговорных номинациях *санкционка, запрещенка* (запрещенные к ввозу продукты питания из Европы и США) и за-

крепило в словах-символах «западной еды» *пармезан* и *хамон*.

Марш за хамон и пармезан

(11) *В числе заявивших о своем участии в „марше“ — „Яблоко“, РПР-ПАРНАС, Партия прогресса, „Альянс зеленых“, „Партия 5 декабря“ и даже подзабытая „Солидарность“.* Организаторы выступают против „фашистских тенденций“ в России и действий властей, запретивших импорт **хамона и парме...**, то есть, простите, ухудшающих ситуацию в экономике [Марш за хамон и пармезан].

(12) *О том, что в России грянула новая волна утечки мозгов, либеральные издания возвестили еще год назад, когда началась санкционная война. Появился даже устойчивый мем — **пармезанная революция*** (Комсомольская правда. 11.09.2015).

В ряду экономических терминов, вошедших в активный словарь 2014 г. в связи с санкциями, находится и *импортозамещение*. Маркированность слова как термина, казалось бы, оставляет ему мало шансов на ироническое переосмысление. Однако «язык высовывает язык» и здесь:

(13) *У Жириновского — мощное подсобное хозяйство. На его ферме в Подмосковье есть и кролики, и гуси, и утки. Имеются у ВВЖ свои уголья и в Смоленской области. „Картошку я вообще не покупаю! Яиц своих много, мясо, фрукты. У меня хороший погреб!“.*

*На фото: В. В. давно уже **импортозаместил** всех кур* (Комсомольская правда. 25.08.2015).

В заголовочных комплексах также активно используются иронические символы утраченного продовольственного рая.

(14) **Год под знаком эмбарго: Мы наш, мы свой хамон освоюм!** Помогли ли ограничения на ввоз западной еды нашим аграриям? (Комсомольская правда. 6.08.2015).

(15) **Хамон non grata.** Дмитрий Медведев потребовал полного уничтожения санкционных продуктов (Российская газета. 31.07.2015).

(16) **Мифы о санкциях, или Фуа-гра, хамон и кассегран возвращаются.** Принцесса на горошке зря печалилась (Московский комсомолец. 12.08.2014).

(17) **Хамон не пройдет.** С российской границы начали поступать сообщения о задержании грузовиков с импортным товаром, запрещенным к ввозу в Россию из-за санкций (РБК. 11.08.2015).

Журналистика в зоне общественного внимания: «Осторожнее, фейк!»

Для понимания процессов «неологизации 2014» важно то, что наряду с политической и экономической сферой в фокус общественного внимания попала сфера журналистики. Тема кризиса и стремительной девальвации рубля нашла отражение в журналистских штампах *исторический максимум* (его периодически обновляли доллар и евро) и *психологически важные отметки*, которые достигались каждый день. Как и в предыдущем случае, эти лексемы стали употребляться в ироническом контексте (в частности, в заголовочных комплексах и анекдотах) как сигнал несовпадения оценок официальной журналистики и общества.

(18) *Продолжительность жизни россиян превысила исторический максимум* [Домчева 2015].

(19) *Электоральный рейтинг Путина вышел на новый исторический максимум* [Электоральный рейтинг... 2015].

(20) *Курс рубля преодолел психологически важную отметку — «всем уже наплевать»* [Курс рубля преодолел...].

(21) *А в любви какая психологически важная отметка?* [А в любви какая...].

По версии «Словаря года», безусловным победителем в 2014 г. стало слово, актуальное для медийных практик, — *фейк*. Это аналог английского слова *fake*, которое в современном словоупотреблении чаще всего фигурирует в значениях *trick* — 'хитрость, обман', 'подделка, фальсификация, подлог', но также и *swindle* — 'шутка, шалость'. Глагол *fake* означает 'мошеннически манипулировать, чтобы предмет воспринимался в лучшем виде или не таким, каким он на самом деле является' [Mariam-Webster on line].

По мнению Алексея Михеева, количество фейков в этом году, особенно в украинно-российском медийном пространстве, просто зашкаливало. Одни истории получили опровержение, за другие журналисты так и не принесли извинений, а еще были те, которые создавались специально, в пропагандистских целях [Словарь года 2014].

Но, как верно заметил М. Эпштейн, язык способен передразнивать, даже огрызаться, «высывать язык». Пропагандистский сюжет о *расплате мальчишке* (неподтвержденный случай изверской казни трехлетнего ребенка, о котором было рассказано в эфире Первого канала со слов беженки из Славянска) в соцсетях стал синонимом журналистского фейка (после вопроса Ксении Собчак на пресс-конференции Путина об этом материале ведущая Первого канала Ирада Зейналова признала, что других подтверждений, кроме слов местной жительницы, у тележурналистов не было). Следствием этого, кстати, стало то, что в лонг-лист слов, которые претендовали на победу, попало и выражение *расплатый мальчик* как обозначение именно фейка, заведомо недостоверной, абсурдной информации.

Кроме того, есть и еще одно объяснение, почему *фейк* набрал так много очков. Дело в том, что медиафейк в последнее время стал неотличим от реальности [Иссерс 2014]. Российское политическое пространство порождает такие новости, в которые невозможно поверить. В свою очередь, шутки, распространяемые в СМИ, нередко воспринимаются как реальность. Так, в конце 2014 г. телеканал РБК снял шуточный выпуск новостей о происходящем в России. Первая новость заключалась в том, что журналистов обязали публиковать графики курсовых колебаний вниз головой, чтобы казалось, что рубль идет вверх. Многие в первые минуты этому поверили.

Таким образом, «слова ушедшего года» продолжают функционировать в контекстах года нынешнего, причем их жизнь в языке отмечена несколькими яркими тенденциями. Усиление персуазивной функции в дискурсивных практиках власти и провластных СМИ выразилось в активизации идеологически оценочной лексики (в том числе пейоративов); в реанимации и трансфор-

мации идеологически значимых прецедентных номинаций (*бандеровцы, ополченцы, национал-предатели* и др.); в ритуализации официального медиадискурса. В то же время общественное внимание было приковано и к использованию языка, в том числе и к тому, что в критических дискурсивных исследованиях называется «злоупотреблением языком». В результате творческой деятельности массового сознания многие единицы актуального политического и околополитического словаря получили ироническую и саркастическую окраску, которая, быть может, еще более рельефно отражает социально-политическую ситуацию в обществе. В результате переосмысления неологизмов года можно наблюдать: 1) «хештегизацию» — обозначение модели ситуации в виде хеш-тега (крайний случай — превращение в «федеральный мем»); 2) трансформацию значения единиц целого словообразовательного гнезда; 3) нейтрализацию пейоративов путем самообозначения; 4) разрушение навязанных идеологем; 5) высмеивание журналистских штампов и фейковых технологий. Все эти лингвистические приемы и дискурсивные тенденции ярко характеризуют основные направления общественной и политической жизни прошедшего года. «Там, где была ирония, больше света и больше истины» [Янкевич 2004].

ИСТОЧНИКИ

1. А в любви какая... URL: <http://otvet.mail.ru/question/175506884>.
2. В Германии выбрали «Слово 2014 года». URL: http://www.de-online.ru/news/v_germanii_vybrali_slovo_2014_goda/2014-12-16-357.
3. Ватник, санкции, ой все. Выберите слово года. URL: <http://w-o-s.ru/article/12067> (date of access: 23.01.2015).
4. Вежливые люди. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%B6%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D1%8B%D0%B5%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B8>.
5. Граница света: слово 2014 года. URL: <http://news.flarus.ru/?topic=4498>.
6. Домчева Е. Продолжительность жизни россиян превысила исторический максимум // Российская газета. 2015. 1 мая. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/01/maximum-site-anons.html>.
7. Итоги 2014. Главные слова года — Дождь. URL: <http://tvrain.ru/words2014/> (date of access: 10.01.2015).
8. Киселева М. Откуда взялись «крымнаш» и другие мемы. URL: http://www.gazeta.ru/science/2015/06/07_a_6746362.shtml.
9. Корягин В. Первый в новейшей истории мем федерального значения. URL: http://www.gazeta.ru/science/2014/05/07_a_6020477.shtml.
10. Курс рубля преодолел психологически важную отметку — «всем уже наплевать»... // Анекдотов.net. URL: <http://anekdotov.net/anekdot/all/ntmtkvszmzhnplvt.htm>.
11. Марш за хамон и пармезан. 2014. 5 сент. URL: <http://www.politonline.ru/comments/17253.html>.
12. Новояз 2014. Пресс-портрет 2014. URL: www.public.ru/press_slovo_2014/ (дата обращения: 21.02.2015).
13. Рожин Б. Крым — о происхождении мема про «вежливых людей». URL: <http://www.iarex.ru/articles/46396.html> (дата обращения: 23.03.2014).
14. Словарь года 2013. URL: http://bg.ru/tags/slovar_goda/ (дата обращения: 08.01.2014).
15. Словарь года 2014. URL: <http://www.pravmir.ru/fejk-natsional-predateli-daryi-volhvov-slova-goda-po-versii-sotssetey/#ixzz3QD8jzCe2> (дата обращения: 10.04.2015).
16. Слово года-2013. Главные итоги. URL: <http://snob.ru/profile/27356/blog/69362> (дата обращения: 06.01.2014).
17. Ученый проследил историю мема Крымнаш. URL: <http://vesti-ukr.com/krym/102600-kak-pojavilsja-krymnash-rasskazali-v-shvecii> (дата обращения: 12.11.2015).

18. Электоральный рейтинг Путина вышел на новый исторический максимум // Версия. 2015. № 43, 9 нояб. URL: <https://versia.ru/elektoralnyj-rejting-putina-vyshel-na-novyj-istoricheskij-maksimum>.

19. Язык высывает язык. Слова и антислова 2014 г. URL: http://snob.ru/profile/27356/blog/85679#comment_764287.

20. Merriam-Webster on line: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (date of access: 10.10.2014).

21. 'Overshare' is Chambers Dictionary's word of the year 2014. URL: <http://www.theguardian.com/books/2014/oct/23/overshare-word-of-the-year-2014-chambers-dictionary> (date of access: 23.10.2014).

22. The Oxford Dictionary Word of the Year is... Vape. URL: <http://blog.oxforddictionaries.com/2014/11/oxford-dictionaries-word-year-vape/> (date of access: 17.11.2014).

23. The-year-that-was-lucy. URL: <http://www.collinsdictionary.com/words-and-language/blog/the-year-that-was-lucy...html>.

24. Word of the Year 2013. URL: <http://www.merriam-webster.com/.../2013-word-of-th> (date of access: 20.10.2014).

ЛИТЕРАТУРА

25. Атягина А. П., Иссерс О. С. Дискурсивные практики нового века: «компрессионный синдром» (на примере Твиттер-коммуникации) // Стилистика сегодня и завтра: материалы конференции. — М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. Ч. 1. С. 78—85.

26. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.

27. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63, № 1. С. 33—43.

28. Баранов А. Н. Метафорическое осмысление справедливости (по материалам центральных печатных изданий) // Коммуникативные исследования. 2015. № 3. С. 3—15.

29. Баранов А. Н. Самые популярные слова 2014 года — «укроп», «ватник», «фашист» // Комсомольская правда. 2015. 25 марта.

30. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык. — М., 1991.

31. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. С. 88—125.

32. Вепрева И. Т. Об актуальной лексеме Крымшаш // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы 13 конгр. МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13—20 сент. 2015 г.) / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. — СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 2. С. 31—35.

33. Газинская Ю. В. Конструирование политической реальности в русскоязычном медиадискурсе Украины: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2014.

34. Иванова С. В. Языковые игры в политическом пространстве // Лингвистика креатива — 3: коллект. моногр. / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. С. 253—263.

35. Иссерс О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени: моногр. — Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2012.

36. Иссерс О. С. Между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. — Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского, 2014. № 2. С. 114—125.

37. Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1998—1995). — М., 1996. С. 409—426.

38. Крымшаш стал главным словом уходящего года // Московский комсомолец. URL: <http://www.mk.ru/social/2014/12/10/krymnash-stal-glavnym-slovom-ukhodyashhego-goda.html> (дата обращения: 10.12.2014).

39. Крысин Л. П. Повседневная русская речь в ее отношении к литературной норме (лексикографический аспект) // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. — М., 2014. Вып. 1. С. 358—387.

40. Кудрявцева Л. А. Медиадискурс «посторанжевой» Украины // Русский язык: исторические судьбы и современность: 4 Междунар. конгр. исследователей русского языка: труды и материалы. — М., 2010. С. 126—127.

41. Масленикова А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1999.

42. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунова Д. В. Неология и неография современного русского языка. — М.: Флинта, 2011.

43. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. — Киев, 1989.

44. Хок Р. 40 исследований, которые потрясли психологию. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. С. 193—205.

45. Цонева Л. Ключевое слово Крым в медиадискурсе // Медиалингвистика: сб. ст. / под ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Н. С. Цветова. — СПб.: С-Петербург. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015.

46. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

47. Шилина А. Г. Вежливые люди в антропоцентрических системах: от языковых моделей к рефлексивным практикам // Медиалингвистика: сб. ст. / под ред. Л. Р. Дускаевой. — СПб.: С-Петербург. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. С. 260—269.

48. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Colloquium. — Киев, 1993. № 1. С. 33—41.

49. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (28). С. 63—67.

50. Эпштейн М. Язык — не зеркало общества. URL: http://snob.ru/profile/27356/blog/70175#comment_681703 (дата обращения: 03.01.2014).

51. Анкелевич В. Ирония. Прощение / пер. с фр., послесл.: В. В. Большакова, Б. М. Скуратова. — М.: Республика, 2004.

O. S. Issers
Omsk, Russia

FROM SERIOUS STUFF— TO FUNNY THINGS: LANGUAGE PUN POTENTIAL OF THE RUSSIAN “WORD OF THE YEAR”

ABSTRACT. The paper presents an analysis of the Russian projects held in 2014: “The Word of the Year”, The Dictionary of the Year”, “The Press-word of the Year” and others. The growing public interest to similar projects is mostly connected with the desire to understand not only obvious, but also implicated social changes through language. “Key words of the current moment” are considered in the aspect of their pun creative potential. The paper argues that these words, retaining the historically significant events of our time, which are often tragic, inevitably become a matter of linguistic pun and in the day to day usage acquire ironic and sarcastic shades of meaning in the Russian discursive environment.

The most typical models of semantic transformation of neologisms in modern discourse practices are defined in the article. The following discursive trends may be observed in the result of reconsideration of neologisms: 1) model designation of the situation in the form of a hashtag (the extreme case — a “federal meme”); 2) transformation of the meaning of units of a family of words; 3) pejorative neutralization by self-designation; 4) destruction of enforced ideologemes; 5) ridiculing journalistic clichés and fake technologies. The author concludes that the “words of the year” reflect not only the specific character of social dialog in Russia, but also the creative potential of its subjects.

KEYWORDS: word of the year; neologism; political discourse; pun.

ABOUT THE AUTHOR: Issers Oksana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Head of Dep[artment of Theoretical and Applied Linguistics, Dean of Faculty of Philology and Media, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia.

REFERENCES

1. A v lyubvi kakaya... URL: <http://otvet.mail.ru/question/175506884>.
2. V Germanii vybrali «Slovo 2014 goda». URL: http://www.de-online.ru/news/v_germanii_vybrali_slovo_2014_goda/ 2014-12-16-357.
3. Vatik, sanktsii, oy vse. Vyberite slovo goda. URL: <http://w-o-s.ru/article/12067> (date of access: 23.01.2015).
4. Vezhlyvye lyudi. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%B6%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B8.
5. Granitsa sveta: slovo 2014 goda. URL: <http://news.flarus.ru/?topic=4498>.
6. Domcheva E. Prodolzhitel'nost' zhizni rossiyan prevysila istoricheskij maksimum // Rossiyskaya gazeta. 2015. 1 maya. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/01/maximum-site-anons.html>.
7. Itogi 2014. Glavnye slova goda — Dozhd'. URL: <http://tvrain.ru/words/2014/> (date of access: 10.01.2015).
8. Kiseleva M. Otkuda vzyalis' «krymnash» i drugie memy. URL: http://www.gazeta.ru/science/2015/06/07_a_6746362.shtml.
9. Koryagin V. Pervyy v noveyshey istorii mem federal'nogo znacheniya. URL: http://www.gazeta.ru/science/2014/05/07_a_6020477.shtml.
10. Kurs rublya preodolel psikhologicheski vazhnyuyu otmetku — «vsem uzhe naplevat»... // Anekdotov.net. URL: <http://anekdotov.net/anekdot/all/ntmtkvsmzhnplvt.htm>.
11. Marsh za khamon i parmezan. 2014. 5 sent. URL: <http://www.politonline.ru/comments/17253.html>.
12. Novoyaz 2014. Press-portret 2014. URL: http://www.public.ru/press_slovo_2014/ (data obrashcheniya: 21.02.2015).
13. Rozhin B. Krym — o proiskhozhdenii mema pro «vezhlyvykh lyudey». URL: <http://www.iarex.ru/articles/46396.html> (data obrashcheniya: 23.03.2014).
14. Slovar' goda 2013. URL: http://bg.ru/tags/slovar_goda/ (data obrashcheniya: 08.01.2014).
15. Slovar' goda 2014. URL: <http://www.pravmir.ru/feyk-natsional-predateli-daryi-volhvov-slova-goda-po-versii-sotssetey/#ixzz3QD8jzCe2> (data obrashcheniya: 10.04.2015).
16. Slovo goda-2013. Glavnye itogi. URL: <http://snob.ru/profile/27356/blog/69362> (data obrashcheniya: 06.01.2014).
17. Uchenyy prosledil istoriyu mema Krymnash. URL: <http://vesti-ukr.com/krym/102600-kak-pojavilsja-krymnash-rasskazali-v-shvecii> (data obrashcheniya: 12.11.2015).
18. Elektoral'nyy reyting Putina vyshel na novyy istoricheskij maksimum // Versiya. 2015. № 43, 9 noyab. URL: <https://versia.ru/yelektoralnyj-rejting-putina-vyshel-na-novyy-istoricheskij-maksimum>.
19. Yazyk vysovyvaet yazyk. Slova i antislova 2014 g. URL: http://snob.ru/profile/27356/blog/85679#comment_764287.
20. Merriam-Webster on line: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (date of access: 10.10.2014).
21. 'Overshare' is Chambers Dictionary's word of the year 2014. URL: <http://www.theguardian.com/books/2014/oct/23/overshare-word-of-the-year-2014-chambers-dictionary> (date of access: 23.10.2014).
22. The Oxford Dictionary Word of the Year is... Vape. URL: <http://blog.oxforddictionaries.com/2014/11/oxford-dictionaries-word-year-vape/> (date of access: 17.11.2014).
23. The-year-that-was-lucy. URL: <http://www.collinsdictionary.com/words-and-language/blog/the-year-that-was-lucy...html>.
24. Word of the Year 2013. URL: <http://www.merriam-webster.com/.../2013-word-of-the-year> (date of access: 20.10.2014).
25. Atyagina A. P., Issers O. S. Diskursivnye praktiki novogo veka: «kompressionnyy sindrom» (na primere Twitter-kommunikatsii) // Stilistika segodnya i zavtra : materialy konferentsii. — M. : Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2014. Ch. 1. S. 78—85.
26. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku : ucheb. posobie. — M. : Editorial URSS, 2001.
27. Baranov A. N. Metaforicheskie modeli kak diskursivnye praktiki // Izvestiya RAN. Ser. literatury i yazyka. 2004. T. 63, № 1. S. 33—43.
28. Baranov A. N. Metaforicheskoe osmyslenie spravedlivosti (po materialam tsentral'nykh pechatnykh izdaniy) // Kommunikativnye issledovaniya. 2015. № 3. S. 3—15.
29. Baranov A. N. Samye populyarnye slova 2014 goda — «ukrop», «vatnik», «fashist» // Komsomol'skaya pravda. 2015. 25 marta.
30. Baranov A. N., Kazakevich E. G. Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii. Sovetskii politicheskii yazyk. — M., 1991.
31. Blakar R. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzamodeystviya. — M. : Progress, 1987. S. 88—125.
32. Vepreva I. T. Ob aktual'noy lekseme Krymnash // Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury : materialy 13 kongr. MAPRYaL (g. Granada, Ispaniya, 13—20 sent. 2015 g.) / Red. kol.: L. A. Verbitskaya, K. A. Rogova, T. I. Popova i dr. — SPb. : MAPRYaL, 2015. T. 2. S. 31—35.
33. Gazinskaya Yu. V. Konstruirovaniye politicheskoy real'nosti v russkoyazychnom mediadiskurse Ukrainy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Omsk, 2014.
34. Ivanova S. V. Yazykovye igry v politicheskom prostranstve // Lingvistika kreativa — 3: kollekt. monogr. / pod obshch. red. prof. T. A. Gridinoy ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. S. 253—263.
35. Issers O. S. Lyudi govoryat... Diskursivnye praktiki nashego vremeni : monogr. — Omsk : Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2012.
36. Issers O. S. Mezhdru pravdoy i mistifikatsiyey // Kommunikativnye issledovaniya. — Omsk : Izd-vo Omsk. gos. un-ta im. F. M. Dostoevskogo, 2014. № 2. S. 114—125.
37. Kakorina E. V. Stilisticheskii oblik oppozitsionnoy pressy // Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1998—1995). — M., 1996. S. 409—426.
38. Krymnash stal glavnym slovom ukhodyashchego goda // Moskovskiy komsomolets. URL: <http://www.mk.ru/social/2014/12/10/krymnash-stal-glavnym-slovom-ukhodyashchego-goda.html> (data obrashcheniya: 10.12.2014).
39. Krysina L. P. Povsednevnyaya russkaya rech' v ee otnoshenii k literaturnoy norme (leksikograficheskiy aspekt) // Trudy In-ta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. — M., 2014. Vyp. 1. S. 358—387.
40. Kudryavtseva L. A. Mediadiskurs «postoranzhevoy» Ukrainy // Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost' : 4 Mezhdunar. kongr. issledovateley russkogo yazyka : trudy i materialy. — M., 2010. S. 126—127.
41. Maslennikova A. A. Skrytye smysly i ikh lingvisticheskaya interpretatsiya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — SPb., 1999.
42. Popova T. V., Ratsiburskaya L. V., Gugunava D. V. Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka. — M. : Flinta, 2011.
43. Pokhodnya S. I. Yazykovye vidy i sredstva realizatsii ironii. — Kiev, 1989.
44. Khok R. 40 issledovaniy, kotorye potryasli psikhologiyu. — SPb. : Praym-Evroznak, 2008. S. 193—205.
45. Tsoneva L. Klyuchevoye slovo Krym v mediadiskurse // Medialingvistika : sb. st. / pod red. L. R. Duskaevoy ; otv. red. N. S. Tsvetova. — SPb. : S-Peterb. gos. un-t, in-t «Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikatsiy», 2015.
46. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001.
47. Shilina A. G. Vezhlyvye lyudi v antropotsentricheskikh sistemakh: ot yazykovykh modeley k reflektivnym praktikam // Medialingvistika : sb. st. / pod red. L. R. Duskaevoy. — SPb. : S-Peterb. gos. un-t, in-t «Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikatsiy», 2015. S. 260—269.
48. Shmeleva T. V. Klyuchevye slova tekushchego momenta // Solleqium. — Kiev, 1993. № 1. S. 33—41.
49. Shmeleva T. V. Krizis kak klyuchevoye slovo tekushchego momenta // Politicheskaya lingvistika. 2009. Vyp. 2 (28). S. 63—67.
50. Epshteyn M. Yazyk — ne zerkalo obshchestva. URL: http://snob.ru/profile/27356/blog/70175#comment_681703 (data obrashcheniya: 03.01.2014).
51. Yankelevich V. Ironiya. Proshchenie / per. s fr., poslesl.: V. V. Bol'shakova, B. M. Skuratova. — M. : Respublika, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.